

Ализаде Афер Азер гызы

Азербайджанская государственная академия художеств

**ШЕМЯЩАЯ ТОСКА ПО АБСОЛЮТУ
В РОМАНЕ ДОННЫ ТАРТТ «ЩЕГОЛ»**

Творчість Донни Тартт, однієї з найбільш значних фігур у сучасній американській літературі XXI століття, становить величезний інтерес як для фахівців-філологів, так і для читачів. Для прози Тартт характерні різноманітні прийоми композиційної побудови – розповідь в оповіданні, розповідь від першої особи, ретроспектива, введення образу-слухача, введення снів і галюцинацій героїв, наявність багатошарових натяків і прийомів асоціативності, використання відкритих фіналів. Органічне поєднання власне художньої оповіді непомітно переходить у ліризм іронією, будучи переважною тональністю прози письменниці, багато в чому визначає стилістичні особливості її манери письма. Метафорична побудова тексту з різними часовими і сюжетними пластами, а також глибокий психологізм, виступаючи головними художніми достоїнствами прози Тартт, опукло дають про себе знати і в романі «Щеголь» (2013).

У статті розглядається проблема інтерпретації поняття «циглик», його розкриття і смислове навантаження в романі. «Щеголь» можна трактувати як роман-роздум, роман-одкровення, роман-сповідь. Д. Тартт, піддаючи важкому випробуванню свого юного героя Тео Декера, зачіпає тему стійкості і протистояння року. Вона детально аналізує психологічний стан людини, яка пізнала справжнє горе. Скорбота і душевний біль, усвідомлення втрати життєвих пріоритетів призводять її героя до порожнечі, однак він не позбавляється здатності чути і відчувати прекрасне.

Картина нідерландського художника Карела Фабриціуса «Щеголь» занурює Тео в стан сум'яття, роздвоєності, розставання з минулим, тим самим посилюючи його емоційно-чуттєву рефлексію і екзистенціальну тривогу. Щеголь дозволяє подумки відтворити події його минулого, найбільш драматичні моменти пережитого – фізичну травму, душевний біль, страхи, фобії, комплекси, внутрішні суперечності і коливання. Щеголь як фігуративний образ і абстрактний символ виступає як знак, що робить можливим спілкування з минулим і майбутнім. Використовувана автором метафора цигля сприймається геросом і як потенційно небезпечний, і як одухотворений початок. Унікальність картини Фабриціуса, в якій колірні рішення, форма і композиція гармонійно переплетені між собою, в тому, що вона глибока і універсальна. Адже кожне полотно не стільки виглядає, а читається, розшифровується і домислюється. Д. Тартт майстерно рефлексує кожну деталь, демонструючи закладену в нерухомому щеголові ступінь динамічності й емоційної напруженості. Крихітний птах на полотні – це і образ, який отримує негативні конотації, але й одночасно – символ криккості, що плавно переходить у символ сили і витривалості. Зазначений особливою зворушливістю циглик уособлює в собі на перший погляд непоєднане – відчай і боротьбу за виживання, елегійний смуток і духовну ейфорію.

Ключові слова: щеголь, картина, живопис, духовне просвітлення, відкритий фінал.

Постановка проблеми. Творчество Донны Тартт, одной из наиболее значительных фигур в современной американской литературе XXI столетия, вызывает огромный интерес как у филологов, так и у читателей. Для прозы Д. Тартт характерны разнообразные приемы композиционного построения. Метафоричность текста, разные часовые и сюжетные пласты, а также глубокий психологизм, выступая главными художественными достоинствами прозы Тартт, выпукло дают о себе знать и в романе «Щеголь» (2013).

Образ отчаявшегося создания – несовершеннолетнего подростка, при трагических обстоя-

тельствах оставшегося без родительской опеки и находящегося под присмотром спецслужб соцобеспечения по делам семьи и ребенка, изображен Д. Тартт в романе «Щеголь» – книге о трагедии потери, о возрождении и обретении себя. Писательнице удалось создать пронзительное произведение о мгновенном взрослении подростка и постепенной утрате иллюзий.

Постановка задания. Цель статьи – исследовать проблему интерпретации понятия «щеголь», его раскрытие и смысловую нагрузку в романе.

Изложение основного материала. Тринадцатилетний Теодор Декер в Нью-Йорке волею

случая, спасаясь от ливня, буквально врывается с матерью в музей, однако в результате совершающегося там террористического акта не только теряет самого драгоценного человека – мать, но и лишается главного ориентира в жизни.

В романе поражают суждения матери Тео, выпускницы факультета истории искусств Нью-Йоркского университета, молодой женщины, влюбленной в изобразительное искусство, о шедеврах мировой живописи и об их авторах («Урок анатомии доктора Тульпа» Рембрандта, «Веселый собутыльник», «Регенты богадельни» Франса Хальса, работы Вермеера, натюрморты Адриена Коорта), ее восприятие красоты, вечного и временного. «Когда видишь мух или насекомых в натюрмортах, увядший лепесток, черную точку на яблоке – это означает, что художник передает тебе тайное послание. Он говорит тебе, что живое длится недолго, что все – временно. Смерть при жизни. Поэтому-то их называют *natures mortes*. За всей красотой и цветением, может, этого и не углядишь поначалу, маленького пятнышка гнили. Но стоит приглядеться – и вот оно» [1, с. 32]. Больше всего Одри Декер заворуженно любит крохотным желтым щеглом, прикованным к насесту за веточку-ножку, обреченным и безысходно одиноким. Эта органично вписанная в музейное пространство и требующая погружения картина величайшего голландского художника своего времени Карела Фабрициуса (1622–1654), ученика Рембрандта и учителя Вермеера, поражающая ясным чистым дневным светом, преследовавшая и предначертывавшая ее безвременный уход из жизни, была ей особенно дорога: будучи девочкой, она подолгу рассматривала репродукцию этой картины не самого лучшего качества в библиотечной книжке. С глубоким прискорбием она вспоминает трагически погибшего в самом расцвете лет и творчества при взрыве пороховых складов в Дельфте молодого живописца. Управляющие жизнью силы рока берут верх. Суждения Одри о вечном, придающие роману особое эстетическое измерение, оказываются пророческими. На первый взгляд две несхожие судьбы внезапно обретают точку соприкосновения: оглушительный взрыв в музее уносит и жизнь Одри.

Очнувшись после взрыва в музее, из-под обломков Тео подбирает для своих размеров удивительно тяжелую картину с щеглом в длинной разломанной раме и получает от находящегося при смерти старика, продавца антиквариата Велти Блэквелла, фамильное золотое кольцо с сердоликом, предназначенное для его сестры. Государство назначает опе-

кунами мальчика семью Барбуров, активно занимающуюся благотворительностью. Судьба сводит его с добродушным Джеймсом Хобартом. Не роскошный особняк Барбуров на Парк-авеню (в котором царил церемонная атмосфера – заранее отретипированные строгие правила поведения и светские любезности), где он был раздавлен горем, не дом отца в Лас-Вегасе, несостоявшегося актера, пристрастившегося к выпивке, распродавшего драгоценности жены и безнаказанно присвоившего их себе, дважды намеревавшегося незаконно выкрасть деньги со сберегательного счета своего сына с целью расплатиться с кредиторами, а антикварный магазин Хоби в Южном Манхэттене с расчлененными стульями, обитыми старой выцветшей парчой, золочеными настенными часами, миниатюрными мраморными обелисками на столике, потускневшими зеркалами становится для Тео домом. «...то была настоящая пещера с сокровищами, куда просторнее внутри, чем казалась снаружи, свет туда сочился сквозь высокие окна – ажурный, узорчатый, повсюду лежали загадочные инструменты, названий которых я не знал, и заманчиво, остро пахло лаком и пчелиным воском. Даже стул, который он чинил – спереди у него были козлиные ножки с копытами – казался не столько предметом мебели, сколько зачарованным существом, будто вот-вот перевернется, спрыгнет с его верстака и зацокает на улице» [1, с. 176]. Для мальчика, изголодавшегося по родному дому и живому общению, даже почтенные старинные комоды и секретеры, подсвечники и столешницы кажутся одушевленными. В краснодеревщике-реставраторе, который чинит старинную поврежденную мебель, Тео обретает друга и собеседника. Именно в мастерской Хоби он ощущает тепло, уют и безопасность, но и познает жизнь и простые истины. Тео овладевает реставрационным ремеслом, умением отличать разные породы дерева по пористости, блеску и цвету. Хоби берет мальчика в долю, Тео становится его деловым партнером в торговле антиквариатом и, будучи по природе практичным и сметливым, пытается извлечь из этого совместного дела «разумную» выгоду: выдавая доверчивым клиентам-коллекционерам отреставрированные предметы за подлинники, Тео тем самым спасает своего наставника от разорения, оплатив задолженности по налогу на дом. Непосредственно соприкасаясь со старинными предметами, а порой и бесценными образцами искусства, он сознательно вырабатывает в себе черту не привязываться к ним. На примере картины с изображением щегла, ставшего для него свидетельством трагедии, безнадежности и источником душевной тревоги, мальчик

постигает разрушительность идолопоклонства и опустошительность глубокой предрасположенности к вещам. «А не в том ли смысл всех вещей – красивых вещей, – чтоб служить проводниками какой-то высшей красоте?» – эти слова мудрого Хоби подпитывают на протяжении взросления Тео [1, с. 812]. Картину любишь непроизвольно, не за новизну идей и историческую значимость, а за нечто большее и глубинное – за таящуюся в ней высшую истину – скрытую печаль.

Читатель уже с первых страниц объемного романа видит противостояние главного героя роковой силе, так безжалостно ворвавшейся в его жизнь; видит его драматический поединок с судьбой, обрекающий на безнадежность ожидания, вселяющий ощущение бесцельности жизни. Сущность жизни первоначально сводится для «юного щегленка» к двум принципам – восприятию мира как хаоса и парадоксальности человеческих отношений [2]. Отдельного внимания заслуживают моменты взросления Тео: обращение к невидимому Богу, размышления о смысле жизни. Впечатляют отношение мальчика к смерти, страху перед неизвестным и полное внутреннее спокойствие от осознания невозможности все изменить. После всех тяжелых испытаний он не отворачивается от мира, не предается рефлексии, даже не пытается спастись от всеразрушающего хаоса. Ведь память тиранит при каждом удобном случае растревоженный мозг своего хозяина. Музей, отнявший у него самое дорогое, тем самым превращается в олицетворение угасающей близости человека с человеком. Этот же музей – хранитель ценностей – непроизвольно наполняет его живительной влагой. В музее Тео при трагических обстоятельствах знакомится с Велти Блэквеллом, человеком, обладающим внушительной коллекцией антиквариата, наделенным счастливым мироощущением, вежливым и обаятельным стариком, располагающим к себе клиентов-любителей древностей. Именно в музее он встречает Пиппу, кровную родственницу Велти. Хрупкая и ранимая девочка с ярко-рыжими волосами, медово-коричневыми глазами, бровями цвета ржавчины, получившая при теракте тяжелое сотрясение мозга, недостаточно окрепшая, нелюдимая и по обыкновению говорящая с посторонними довольно официально, находит в Тео родственную душу. Тео переживает прекрасное и всеохватывающее чувство, дарящее невыразимое упоение самой жизнью. Пиппа и крохотный щегол не позволяют ему отпустить прошлое и воспоминания о любимом человеке.

Став для Тео судьбоносным предметом, картина усиливает психологическую нагрузку происходящего в его душе. Картина «Щегол», не дышащая

универсальностью изображенных на ней образов, не воплощающая общечеловеческие вечные ценности, заставляя трепетать, глубоко проникает в душу и разум мальчика, помогает сформировать собственное понимание жизни. Исходившее от щегла свечение наполняет Тео духовным просветлением. «Было слишком – слишком большим – соблазном держать ее в руках и ни разу не взглянуть. Я быстро вытряхнул картину наружу, и ее свет тотчас же окутал меня, как будто музыкой, сокровенной сладостью, которая ощущалась только в глубочайшем, волнующем кровь ладу правильности – так сердце бьется ровно и размеренно, когда ты рядом с любящим тебя человеком, который никогда тебе не причинит вреда. От нее исходила сила, сияние, свежесть утреннего света, который наводил на все предметы резкость, в то же время делая их круглее, милее, чем они были на самом деле – делая их прекраснее еще и потому, что то была часть прошлого, невосполнимая его часть...» [1, с. 340]. «Щегол», произведя сильное впечатление на Тео, не дает просочиться осязаемым ужасам, терзавших душу травмированного человека. С щеглом он перестает ощущать себя простым смертным. «Картина была мне опорой и оправданием, поддержкой и сутью. Краугольным камнем, на котором держался целый собор», – рассуждает Тео [1, с. 599].

Мотив взгляда определяет структуру картины К. Фабрициуса. Фактура птицы выразительна – видна пристальная устремленность взгляда щегла на зрителя. Гордо расправивший крохотные крылышки темноголовый щегол с внимательными глазами, прикованный к насесту, однако держащийся с достоинством, был все-таки пленником. И Тео также был невольником в большом городе, пленником своих опасений и надежд. Однако в щегле поражает бестревожное спокойствие, а в Тео бросаются в глаза встревоженность и нигилистичность. Но если щеглу пришлось послушно покориться своей незавидной участи, то Тео не имеет морального права согнуться и отдаться власти одиночества и безвыходности. Нужно достойно дожить дарованную тебе жизнь.

Цель, поставленная Д. Тартт, достигнута: после соприкосновения с «Щеглом» Тео предстает совсем другим человеком, не таким, каким был раньше, а более просветленным и умудренным, наполненным глубинным пониманием мира, а главное – гармонией с собой. Интересен в романе прием открытого финала, в котором писательница как бы вовлекает читателя в происходящее и приглашает его в соавторы и этим предлагает додумать конец, следуя за одной из выстроенных ею логик.

Правоохранительные органы ищут оставленные без присмотра на месте взрыва картины, входящие в международный реестр утраченных произведений искусства, в числе которых числятся и «Щегол». Тео могут привлечь к ответственности за незаконное хранение шедевра. Поддавшись порыву, наркоторговцы и преступники в сфере искусства, незаконно торгуя крадеными произведениями живописи, используют эти культурные ценности в качестве гарантов при рискованных финансовых махинациях. Они вывозят «Щегла» из страны, он переходит из рук в руки. Возвратится ли похищенная картина на свое законное место – на родину своего создателя (ныне хранится в музее Маурицхейс в Гааге)? Превратится ли Тео из нерешительного молодого человека

в состоявшегося мужчину? Останется пассивным наблюдателем, плывущим по течению, или попытается изменить свою жизнь? Отправится ли на поиски Пиппы, расторгнув помолвку с Китси Барбур? Куда приведут мучительные поиски своего «я»? Какими «извилистыми» путями придет к духовной эволюции? Преодолеет ли себя? Войдет ли в состояние душевного равновесия?

Выводы. Живаясь в сознание воплощаемого героя, вторгаясь в мир его душевных переживаний, Д. Тартт послонно показывает читателю происходившие с ним картины жизни. Интересные структурно-композиционные решения, богатство аллюзии, сравнений и символов, раскрывающих психологическое состояние образа Тео, свидетельствует о тонком восприятии писательницы и постижении человека.

Список литературы:

1. Тартт Д. Щегол. Роман / перевод с английского А. Завозовой. Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2017, 827 с.
2. Черноземова Е. Н. Функция экфрасических обращений в романе Донны Тартт «Тайная история». Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2016. № 4. 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsiya-ekfrasischeskih-obrascheniy-v-romane-donny-tartt-taynaya-istoriya/viewer>

Alizadeh Afer Azer. THE WRENCH FOR THE ABSOLUTE IN “THE GOLDFINCH” BY DONNA TARTT

Donna Tartt is one most prominent representatives of modern American literature of XXI century. Creative work by Donna Tartt is the phenomenon of great interest both for professional philologists and readers. The prose by Donna Tartt is characterized by various means of compositional structure of literary work, such as “story inside story”, the narration from the first person, retrospective review, including of listener in narration, dreams and hallucinations, the presence of multilayered allusions and means of contiguity, the using of “open” drop-scenes. In Tartt’s works the using of proper artistic literary narration is combined organically with irony, which unnoticeably transforms into lyricism. All these peculiarities are predominant tonality in Tartt’s writing and define the stylistic peculiarities of her literary manner. Metaphorical “composition” of text with different temporal and plot layers and it’s deep psychologism are the main artistic advantages of Tartt’s prose and are displayed most expressively in her novel “The Goldfinch”.

The article discusses the problem of interpreting the concept of “goldfinch”, its disclosure and semantic load in the novel. “Goldfinch” can be interpreted as a novel-reflection, a novel-revelation, a novel-confession. D. Tartt, subjecting to the ordeal of his young hero, Theo Decker touches on the theme of perseverance and opposition to rock. She analyzes in detail the psychological state of a person who has experienced real grief. Sorrow and emotional pain, awareness of the loss of life priorities lead her hero to emptiness, but he does not lose the ability to hear and feel the beautiful.

The Dutch gold artist Karel Fabricius “Goldfinch” immerses Theo in a state of confusion, duality, parting with the past, thereby exacerbating his emotional-sensory reflection and existential anxiety. Goldfinch allows you to mentally reproduce the events of his past, the most dramatic moments experienced – physical trauma, mental pain, fears, phobias, complexes, internal contradictions and fluctuations. Goldfinch as a figurative image and abstract symbol acts as a sign that makes it possible to communicate with the past and the future. The metaphor of the carduelis used by the author is perceived by the hero both as a potentially dangerous and spiritual beginning. The uniqueness of the Fabricius painting, in which color solutions, form and composition are harmoniously intertwined with each other, is that it is deep and universal. Indeed, each canvas does not look so much, but is read, deciphered, and conceived. D. Tartt masterfully reflects every detail, demonstrating the degree of dynamism and emotional tension embedded in a motionless carduelis. The tiny bird on the canvas is also an image acquiring negative connotations, but at the same time it is a symbol of fragility, smoothly turning into a symbol of strength and endurance. A goldfinch noted for special touching embodies the seemingly incongruous – despair and struggle for survival, elegiac sadness and spiritual euphoria.

Key words: the goldfinch, picture, pictorial art, moral enlightenment, “open” drop-scenes.